

САМУИЛ ШВАРЦБАНД

1990

ИЕРУСАЛИМ

Самуил Шварцбанд
ЧЕРЕПКИ

Татьяне Коеткиной
с дружеской искренностью

18.04.1990 г.

САМУИЛ ШВАРЦБАНА

Samuel Shwarzband. CHEREPKI

**© 1990 by S.Shwarzband
All rights reserved**

Drawings by Alexander Okun

**The author is thankful to the
Ministry of Absorption of Israel
for its assistance in publishing this book**

ISBN 965—337—001—4

**Lexicon Publishing House
Jerusalem 1990**

6

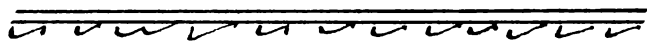

О, будь светла, ночная мгла,
Пока душа еще трепещет
И жизнь свободе рукоплещет,
Как будто ангел, в два крыла.

Вот так, к вагонному стеклу
Прильнув, естественней и проще
Прощаться надо с каждой рощей,
Спешащей весело во тьму...

22 октября 1982, Рига

Из цикла "Камни"

Е. А.

Городище Трувора,
Крест-валун,
Сколько передумано
Было дум?..
Да поверху схвачено,
Не до дна.
Голубою ящеркой
Времена.
Купола, как ялики
Диковинной земли...
На могилы яблоки
Дозревать легли.

6 августа 1962

И снова грезится:

под ивами

Река у стен монастырей.

И говор волн велеречивый,

Чуть-чуть картавый от камней.

Мы пообтерлись и привыкли

К словам неточным, а народ

Не зря назвал ее Великой,

Переходя беспечно вброд...

1962, Ольгины пороги

А, может, мир устроен просто?
И потому шумит трава
На стенах крепости Изборской,
В ложбине высохшего рва.

И только глыбы исподлобья
Глазеют — многие века! —
На угрожающие копы
Полусухого лозняка.

Сорвется камешек — и шорох
Пророчит новый глад и мор,
Пока гурьба детей, как ворог,
Влетает с криками во двор...

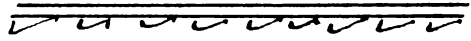
1963, Изборск

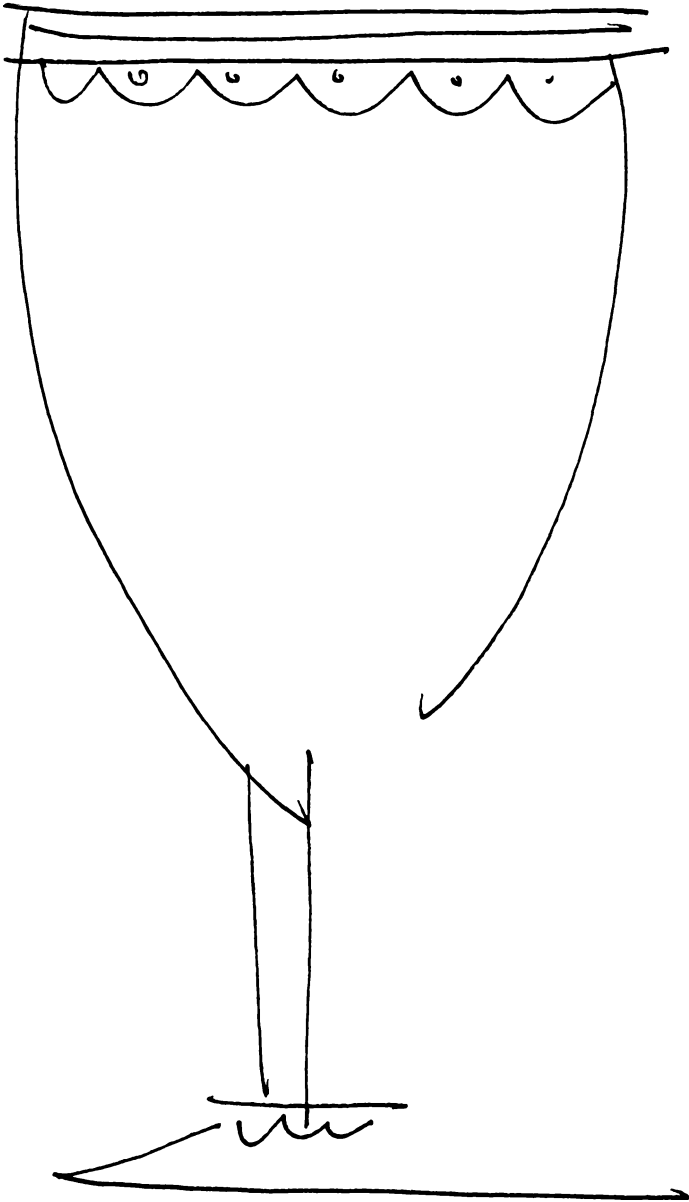

Я не знаю, откуда —
По замыслу, сами ли,
Нарушая линейный узор,
Белоснежные камни
Провисли,
И замерли,
И легли на багряный шатер.
О, какое же мужество мастеру надо,
Чтобы сделать крылатою кладь,
А потом
Ожерельями белого камня
Вознесенье
к земле привязать...

1963, Коломенское

Первопуток

Парк, глазающий из-под арки,
Парк, осипший, как в Пасху дьяк, —
Обиталище сонной Парки
И пристанище для бродяг,
Парк...

Звучит-то почти нелепо,
Непонятно.

И все ж иду
Я туда, где краюха неба
Мокнет с бабочками в пруду.
На дорожках мокро и марко,
От эстрады тягучий чад.
И луна, как пустая чарка,
Опрокинута парком над...
Вот и вся вам быль-небылица.
Ни влюбленных. Ни просто так.
Говорят, перед вечностью снится
Парк...

1963, Даугавпилс

И ночь в глазах, и тлеющие звезды,
И чуткая пульсация волны,
И жизнь моя, прозрачнее, чем воздух
В сибирский день за месяц до весны,
И ветерок, за шиворот скользнувший,
И капелька упавшего дождя,
И даже запах жимолости душистой —
Равно тебе! И нету — без тебя...

23 декабря 1969, Бийск

●

Вот так и ведется. Сегодня и встарь.
Бормочешь в осипшее море:
"Ну, что тебе надо, зеленая тварь,
В пене рожденная горечь?"

(А сам без ума, хоть сгущается хмурь
И свет, как в монашеской келье...)
Бормочешь "люблю" в океанную дурь,
Вкусив избавленья и зелья.

И море, и небо, и слитые рты,
И жалобы ветра, и мука —
Смешавшись с дыханьем земной маяты,
Трепещут разъятьем-разлукой.

Но, слезы слизав со светящихся щек,
Губами, сухими от пыли,
Бормочешь под шепот прибора: "Еще!
Как долго мы порознь были..."

18 августа 1962

Блаженна память и бездонна
Для доброй радости — любви!
Побойся Бога, о мадонна,
И сердце гневом не язви.

Я тосковал и плечи кутал,
И желчь хотелось мне излить.
Какой же черт меня попутал
Легко писать и трудно жить?

За дар веселый, дар лукавый,
Кто знает, чем я заплачú?
Ты ожидаешь рифму "славы",
Я не о ней во сне кричу.

Не прогневи души враждою.
Неровен час порвется нить...
За что нам счастье такое —
Легко писать и трудно жить?!

20 марта 1972, Новосибирск

Замело, завалило, заглохло.
Не осталось и пяди земли.
Словно проруби, серые стекла
Утонули, исчезли, ушли.

И такая тоска в белоснежье,
Что, пожалуй, и бросишься в снег.
Где-то хрустнуло. Будто валежник.
Человек или не человек?

1963, Калупе

Е. Н.

В "купечьем граде" вой бурана.
До неба снежная труха.
И нету грамоты охранной
Ни от беды, ни от греха.

Так не бывает, не бывает!
И все же есть "купечий град",
Где ветер волком завывает
Среди сугробов и оград.

1968, Бийск

Замерзла птаха под окном,
Мечтая о весне.
И слезы птахи стали льдом
В голубоватом сне.

Из любопытства я решил
Взглянуть в замерзший сон,
К слезинкам палец приложил —
В ответ раздался звон.

Они упали в синий тал
И таяли пока —
Свое окно я узнавал
По кромке косяка.

И никакая не весна
Была в том смертном сне,
А я, стоящий у окна,
Глазеющий на снег...

1968, весна

Лают собаки. Капель во дворе.
Лают собаки. И клонит ко сну.
Вербная веточка — вся в серебре —
Бархатной почкой прижалась к окну.
Лают собаки. Осели снега.
Лучше: опали, как пена, — скажи.
Скоро затопит вода берега,
Не дозовешься ближней души.
Выйдешь ли из дому,
Бросишься ль в дом —
Лают собаки о подлом, своем.
Пусть себе лают с утра до зари.
Только, пожалуйста, сам не дури.
Все быстролетно, как мартовский лед,
Тот, что вдоль берега чинно плывет.
Лают собаки. На ледоход.
Пусть себе лают. Такой уж народ.

1969, Бийск

Я приснился себе молодым:
С нерастраченной силой и болью —
И хотелось поспорить с любой
Уготованной Богом судьбою,
Что останусь до смерти таким!..

...Я приснился себе молодым...

1964, Юрмала

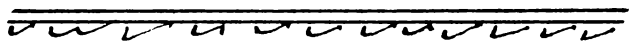

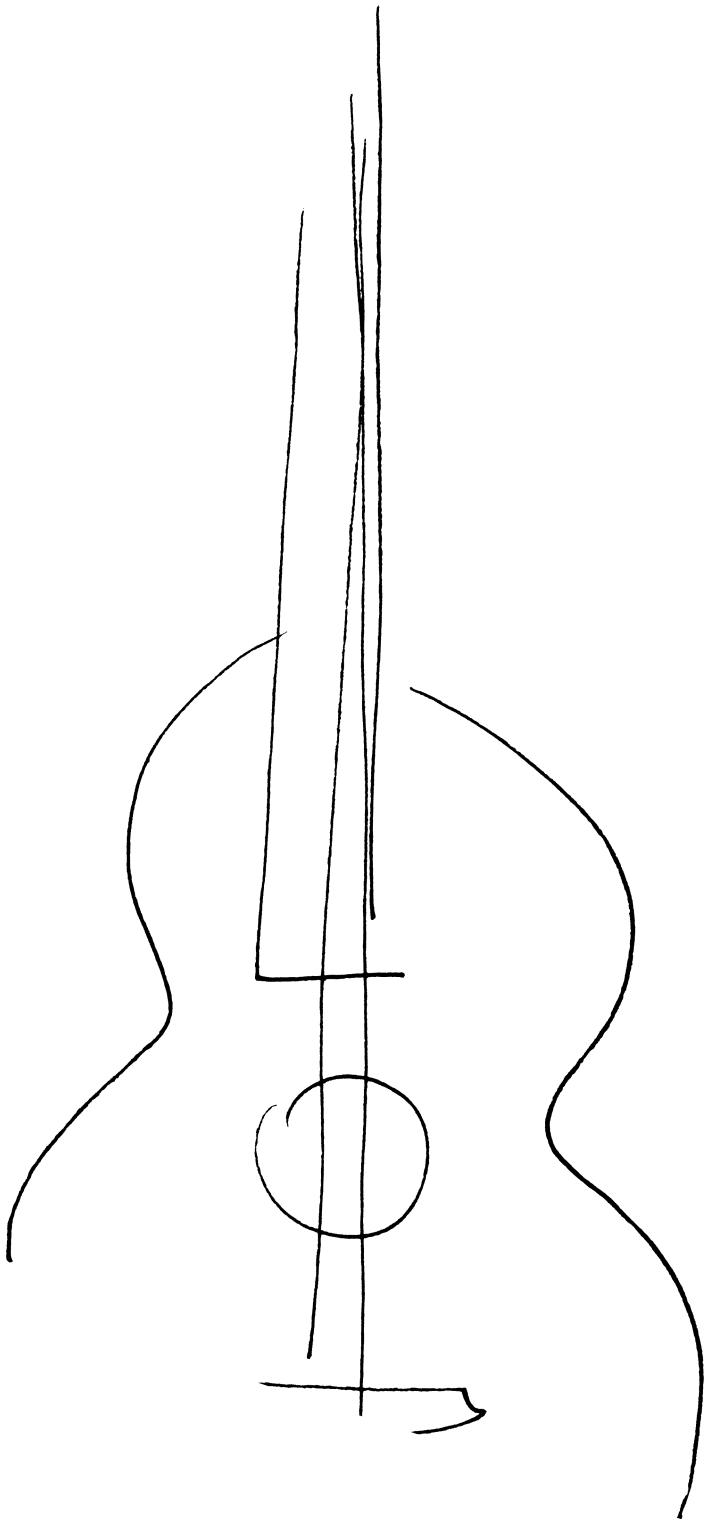
Хочешь, не хочешь — душа на замке,
Словно забытое слово в строке.
Как не склоняй ты известную мать,
Ищешь ключи — и не можешь сыскать.

Вдруг они выпадут, в звоне дрожа:
Цёлы замки, да исчезла душа...

1973, Рига

Александрю Блоку

Не Богу —
 тебе я,
 Смертному
 И умершему давно,
 Молитву мою усердную
 В могилу твою
 На дно,
 Как самое подноготное,
 Похоронить спеша
 (Пока у тела не отнята
 Данная мне душа),
 Я собственными перстами
 Из ребер
 (Так — за рубеж!)
 Вытаскиваю —
 И под камень
 Втаскиваю
 к тебе.

Я стою посередине —
Старый храм:
По колоннам паутина,
Голубиный гам.
В пустоте его,
Как в яме,
Тонет речь.
Потому что в старом храме
Нету свеч.
Только тени привидений
По углам.
Никуда себе не денешь,
Старый храм.
Но,
Где лики,
Словно крылья,
Развеваются,
Наши души в старом храме
Бьются в купол голубями —
Разбиваются...

Проели, пропили
И все промотали.
Кораблик на шпиле
К земле приковали.
И лишь над кронверком
С крестом на плече
Ангел не меркнет:
Подобно свече
Сияет в ночи,
Осеня крылом
Огарок свечи
За бессмертным столом...

То ли сердце источилось,
 Надоела ль чехарда —
 Только мне давно не снилась
 Петербургская звезда.
 И в пустынном поднебесье
 Не могу никак найти
 Отголосок старой песни,
 Им оброненной в пути...

Друг затеряный мой, дальний!
 Помяни его во тьме
 У колонны ли ростральной
 Иль на Пряжке — в кутерьме
 Топтунов и прочей дряни,
 Отыщи у дев и вдов
 Искру Божию в тумане...

— За тоску мою

в бурьяне

Или в бездне пошлых слов...

Скрижали

Мой светлый Бог,
Ты все такой же —
Без суеты и клеветы,
Как пульс,
Томящийся под кожей
Недосягаемой звезды.
Пускай по-прежнему ревниво
Оберегают образ Твой,
Спаси, Господь, нас от надрыва
Страстей и сутолоки злой.

.....

А я, прислушиваясь к ритму
И звезд, и пульса,
Сотворю
Почти библейскую молитву
По лунному календарю...

В разлуке,
 в рассеянье древнем
 Единоутробных детей,
 Прижавшись к брюхатым деревьям,
 Мы слушаем токи корней.
 Кому выпадало кочевье,
 Тот помнит — шумел листопад:
 ”Не мы, так немые деревья
 На разных погостах стоят...”

.....
 И, чуткой спиной прислоняясь,
 Он чувствует токи корней,
 Текущие в новую завязь
 Единоутробных детей...

Вместе с осенним криком ворон,
Как наважденье, гундосит перрон
Сотнями глоток и тысячью ног
Под поминальный
Прощальный звонок.
Пьяные речи веду ли в дому
Иль предоставлен себе самому —
Только забудусь —
И тут же, как ток,
Дергает душу вокзальный гудок.

.....
Так и живу... А понять не могу,
Чью на перроне судьбу стерегу
И почему в беззащитный висок
Вбит,
Словно кол,
Паровозный свисток...

Орфей?

Орфей!

Да кто из нас — Орфей?

Сойти бы в ад за тенью Эвридики
И притвориться мертвым у дверей,
Чтоб увидеть исчезнувшие лики.

Какой бы цербер в памяти возник?

А, может, цензор?

Двери отомкнули...

И сиротливо толпы Эвридик

Бесплотные ладони протянули.

.....

Но глух к мольбам был нынешний Аид:

Живых не впустит даже ненароком.

Зачем я шел?

Напрасная дорога...

Еще один сандалии скоблит

И повторяет все имя Бога...

●

Пора, пора уйти мне в невозвратность.
Всю тяжесть дум и боли — не продлю.
Но в будущем за эту безотрадность
Не воскрешай, прошу Тебя! Молю!
Не надо повторений. И игрою
Метаморфоз не мучай. Об одном
Прошу Тебя: хоть черною дырою
Оставь меня, хоть антивеществом!
Мне не под силу жизнь, не то что жизни...
Дай быть ничем! Без языка и грез...
Земля и та мала мне для Отчизны,
А до Вселенной сам я не дорос.
Оставь меня люблюю, Боже, чушью.
Не воскрешай в день страшного суда.
Перечеркни, как самой лучшей тушью,
Вороньим приговором: "Никогда!"
За все метанья, все мои сомненья,
За боль любви к созданиям Твоим,
За первый крик в мгновение рожденья.
За нежеланье гибели другим —
Не воскрешай ни в плоти, ни без плоти,
Коль Ты, Всевышний, сущ и всемогущ,
Оставь меня хоть тьмою подворотен,
Хоть тайною на дне кофейных гущ!
Но, как награду, выдай за отказ мой
Путевку в "до" — в начало кутерьмы:
Безобразным представить безобразный
Весь белый свет материальной тьмы.

Столб соляной,
Гроб соляной —
Вечный покой,
Выбранный в зной
Кары и горя
Бедою утрат:
Женская доля —
Соленый наряд...

.....

Памятью пота
Рождений и лет
Встала,
 а Лоту —
Надгробия нет...

И просыпаться вновь.
И вопрошать: "А где я?",
И, как печальный зов,
Припомнить Иудею.
Но проклинать
Покой и тишину
И гимнам объявлять
Торжественно войну.
Пусть прячется луна,
Строка отыщет след
И вытянет со дна
Колодца слов и сна
Причины общих бед.

.....

Стерне до боли
В мороз дано
Под горстью соли
Растить зерно...

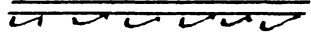

Чужие судьбы, вписанные в свитки,
Как молнии над памятью моей...
Пора, мой друг, раздаривать пожитки
И нисходить в элизиум теней...
Идти босым по камням Арамеи
В руины, где столетья (не года)
Две грешных тени — Лота и Орфея —
Ждут не дождутся страшного суда...

.....
А вдруг не так?..

На каменных откосах
Нет ни души. И ненависти дым
Глотаю я в таких смертельных дозах,
Что и не снилось прашурам моим!..

Иаков

”Видишь ли, сын мой, философия исхода из Египта заключается в двух фразах, которые записаны в Вечной книге...Одну ты найдешь в книге Бытия, где рассказывается, как Иосиф представил фараону своих братьев и что им перед этим советовал. Умный и хитрый человек был Иосиф, истинный сын отца своего Иакова, того самого, который так ловко обошел и собственного родителя, и брата, и тестя, что антисемиты... называют его ”первым жидом на земле”...

Зев Жаботинский. ”Четыре сына”.

●

Для судьбы не годится расхожий текстиль.
Видно, надобно платье из крови...
Мою бабушку звали соседи Рахиль.
Возле Умани яма, панове.
Двое братьев, четыре сестры и притом
Девять внуков (для полного счета)
Вместе с нею закопаны были живьем.
Зоревая досталась работа
Тем, кто рядом тужил,
Ел ее пироги
И кому перешил
Дед Абрам сапоги.
Мне рассказывал жилистый темный сосед,
Как эсэсовцы гнали евреев.
Безучастно Терновка глядела им вслед.
И вздыхала земля, розовея
Всю неделю над ними...
И не было дня,
Чтоб с моими родными
Не казнили меня.

Иаков:

— Ах, судьба нам дана —
Принимай и не дрогни!
В этом вся и наука...
Не все ли равно:
Ты от жизни,
Она от тебя ли
Оглохнет —
Пей, коль пенится в чаше вино.
Пей и пой: "Хорошо или плохо,
Только нас обвенчала судьба..."

...Кабы знать, что пастух-выпивоха
Вместе с Богом
Обманут раба...

Не вступление, только подступ
К пробуждению тем и строк:
Незаконное первородство —
Изначальный первотолчок!

Исааково благословенье
И Рахиль (после Лии) — вот
Сопряженные жизнью звенья,
Нечет, давший потомству чет!

Лия:

— Сестра моя,
Так Бог судил.
Всего дал поровну,
Но разно.
Тебе — красу
И детский пыл
Восточной неги.
И... напрасно.
А мне —
Глаза больные,
Но —
Как очищение от скверны,
Рожать за это мне дано
И не желанной быть, а верной.

Рахиль:

— Я не о том, сестра моя.
Набухли груди, лоно просит.
А чрево пусто. Будто я
Без зерен колос на покосе.
Пускай сегодня принесет
Пастух творящие объятья,
Но дай, сестра, за мужа — плод.
Не для любви, а для зачатья.

И, плача, в свой шатер она
Засеменила. А другая
Глядела вслед. И чья вина
Судьбою правила, не знаю.
Мне жаль обеих...
Богом дан
Удел такой со дней Завета:
Та — справедливость,
Милость — эта,
А между — грех или обман...

Рахиль:

— Когда могила станет храмом,
Простят тоскующий напев:
В глазах всех юношей Харана
Желанней не было из дев.
Но кто возьмет в шатер пустую
Рахиль, покорную судьбе?
Бог мужа,
Я не протестую,
Но не могу творить Тебе
Молитв...

Нельзя зажечь от трута
Костры,
когда он отсырел...
Ты, Всемогущий, сам запутал
То, что понять не захотел.

Как ветры переменчивы.
За нордом
Подул негаданно
Розовощекий зюйд.
И даже пихты оголили бедра,
Испытывая под корою зуд.
Ах, перебои наши, перепады,
Насмешки над прогнозной чепухой.
То зябнешь под дождями, точно падаль,
То жаришься на солнце день-деньской.

Как круто переменчивы владыки.
И — чопорнее глиняных божков.
Во всех дворцах сверкают от мастики
Полы.
И кровь сочится с потолков.

Иаков:

— Я наклонюсь,
Рахиль,
К тебе
И загляну в глаза:
За все двенадцать тысяч дней
Впервые в них слеза —
Не потому,
 что ночь темна
И не видать седин,
А потому,
 что ты одна
За то,
 что я — один.

Рахиль:

— Нет упрямее нашего сына.
И сновидец, и ласков он. Пусть!
Но хочу я родить Биньямина,
Потому что красавца боюсь.
Потому что в глазах его — право
Возвышаться над всеми. И он
Ради почестей или за славу
Позабудет холмистый Хеврон.
Под ресницами вижу такую
Продувную, горячую страсть...
Ты не смейся, он землю родную —
Каменистую, злую, хмельную —
Променяет на золото и власть...

●

Жил в Харане Лаван. Дочь была у него:
Прозывалась Рахилью невеста.
Все за внуком в Египет ушли. Никого
Не осталось в Хевроне. Известно
Остальное.

Ушли все туда, где хлеба
Предлагались и прочие яства.
Проходили века — и меняла судьба
Сытый день на ошейники рабства.
И жирела от крови чужая земля!
Нашей крови — с разливного Нила...
Возвращается ветер на круги своя.
Не дано возвратиться могилам!
Сын Рахили, ну, что ты со мной сотворил?
За ошибки заплачено втрое.
Кто вернулся в Терновку —
Не куст посадил
И не кадиш прочел,
А другое...
Все запутано в древней и муторной мгле.
Будто жизни — пустая порода.
Мой отец, Моисей,
На немецкой земле
Был убит.
До начала Исхода.

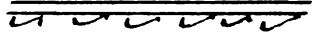
1979-1982, Рига

О, враждовать с собою нелегко.
Недаром пот холодный прошибает,
Когда чадит, а вовсе не пылает
Сырая рукопись с боков...
Мгновенья ли проносятся, века —
Пока строки змеиное шипенье
В обугленное чрево вдохновенья
Не уползет, дымясь, с черновика?
Поди проверь!
Томленья, передраги,
Какие-то приспущенные флаги,
И клавишами зимние овраги,
Да кости слов... Отделены уста
От матового зеркала бумаги.
Вражда с собой и больше ни черта
В удел земной нам не дано судьбою.
Но, оглянувшись, видишь за собою:
На белом камне — белая черта...

Сроки

●

Иудейский серп
Поперек ночей,
Как меж двух судеб,
Как меж двух гвоздей,
Он провиснул дном —
И готов канат.
Я пляшу на нем.
...Скоро
Пятьдесят.
Никого вокруг.
Только свечи звезд.
И не спрятать рук,
Гвоздь по шляпку врос.
Не подняться вверх,
Не сорваться вниз...
Вот и весь мой грех
Под гвоздями виз.

В долины мрака из никуда,
Как пейсы, выются вниз города.

Над морем Мертвым, как над живым,
Летучей мышью кружит хамсин.

Пустая глотка мягка, как воск,
Вода, не водка, здесь сушит мозг.

И пьян давно я... с родных краев —
Налей-ка, братец, мне до краев...

●
 И вот в Иерусалиме... За три моря...
 Простое чудо логику позорит.
 Брожу себе по Меа Шеарим,
 Где ест глаза традиция, как дым
 Местечек

 после буйства гайдамаков...
 Фантастика!

 А рядом тек Кидрон
 И Храм стоял?..

 Но тусклый небосклон
 Лишен любых иероглифов и знаков...

Не знаю, чем я Господу потрафил,
 А, может быть, виновен перед Ним —
 И завтра, как пузырчатый фалафель,
 Изжарен буду с Меа Шеарим?..

Е. Ф.

Геенна огненная! Тихий Бен-Хинном...
Долина ада... Падчерица Сдома?
Здесь небо опрокинуто вверх дном
Засохшего от века водоема.

С него слеза не скатится сюда,
И не ударит молния по щебню
Лишь на рассвете желтая звезда
Заглянет вниз и удерет в деревню.

А по соседству музыка и чад.
В синематеке — ужасы и страсти.
За что, Господь, наказываешь ад,
Прозящий спасу от людской напасти?

Ответа нет... Густеет темнота.
Вопят ослы. Не слышен голос гида.
И запах серы
 ветер у моста
Мешает с пылью города Давида...

Пророки, судьи, палачи,
Душепродавцы, правдолюбы —
О, братья Иосифа, — в ночи
Две поминальных жгу свечи,
Пока не грянут с неба трубы.

В моих молитвах счастья нет,
Они чернее пепла дрока.
Как будто Он опять Завет
Мне предложил на много лет,
А Сам исчез с небес до срока.

И только ангел без меча
У входа в рай затылок чешет —
И каждый правнук палача,
Судьи, пророка, стукача
Ему о чести что-то брешет.

Прости нас, Господи, прости!
Струится время и пространство.
Пусть мясо — клочьями с кости,
Но душу нам не отскрести
И не отмыть от самозванства...

Я видел два Иерусалима:
Один — отстроенный,
и тот,
Который вдвое старше Рима,
Подслеповато и без грима
Живьем
от вечности гниет.

Так где же дом?
Не там ли, где
Шли за столпом
К своей беде?
Не тот ли свет
На всех один,
Где мир одет
В тахр́ихим льдин?
Не сон ли тех
Ночей, где речь
Ушла под снег,
А вышла в печь
Концлагерей?
Где твой приют
Среди людей
Бездомных тут
И там? Везде,
Пока живем
Вопросом: "Где
Наш общий дом?"

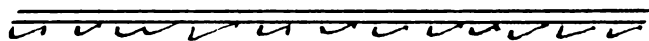
С горы Кармель пытаюсь облака
Достать руками. Глупая затея.
До обморока морок. И бока
Окрестных гор не дышат, а потеют.

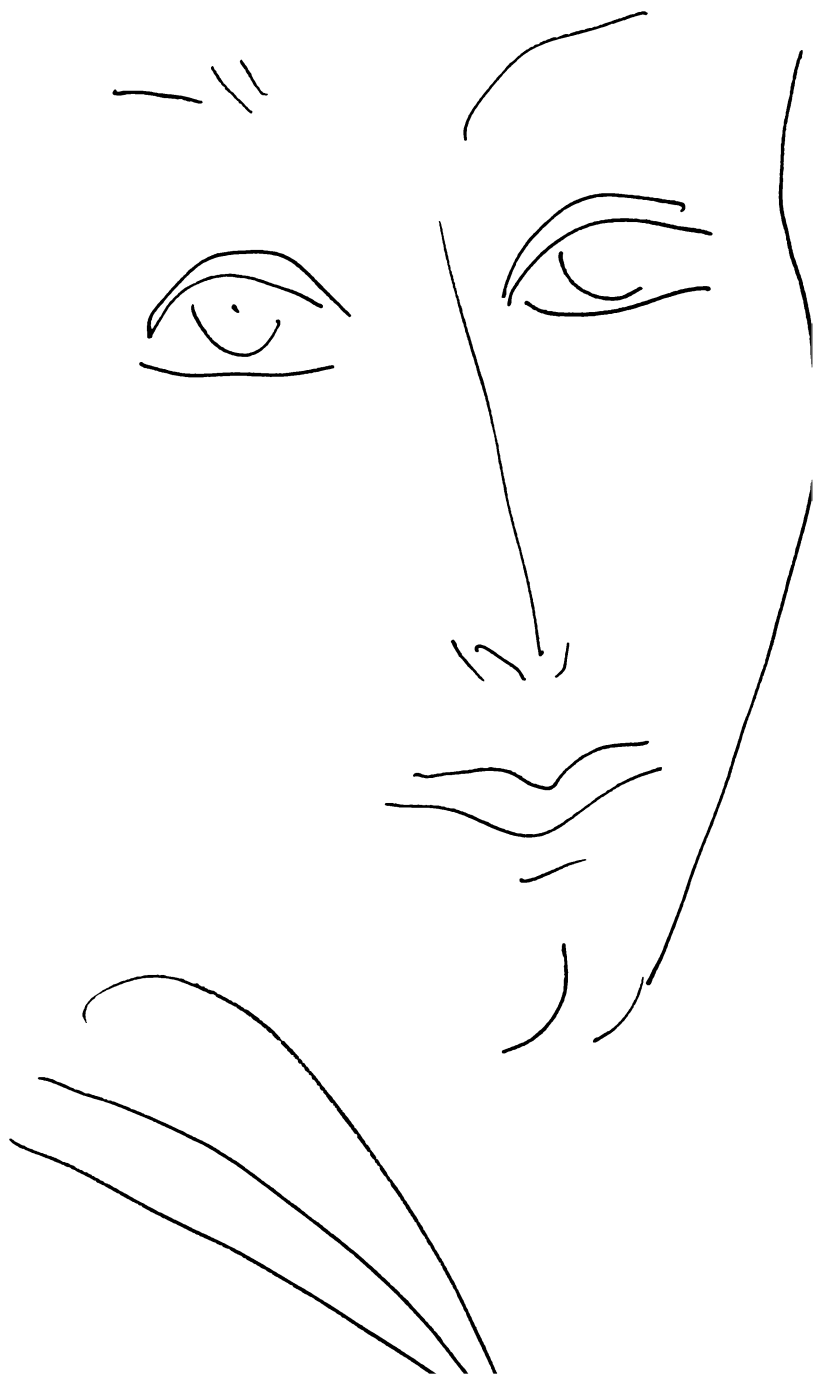
Нет ни берез белеющих, ни лип.
Зеленый цвет без примеси и фальши.
Гора Кармель пониже, чем Олимп,
Но видится отчетливей и дальше.

Есть две чужбины: Запад и Восток.
Теперь я понял, почему лениво
Волна морская в Хайфе на песок
Выносит тину Рижского залива...

1983-1988

Римский пасквиль

Кто я? Скажи мне, подруга моя,
Вечный ли жид, перепутавший сроки,
Или распятому вместо меня,
Хоть и далекая, все же родня
По неизученной звездной молоке?..

Впрочем, не страшен мне твой приговор.
Сызмальства был награжден я виною...
Если душа отдана на разор,
Смерть раньше времени — тоже позор
Жизни, жиреющей от перегноя!

Так что прозвания твои не нужны,
Сам отыщу их под рухлядью слова.
Жив я
 не комплексом общей вины
Мистификаторов возле стены
Храма,
 а болью за гибель другого...

Мне другом был Иосиф Флавий
В моих прогулках у реки,
И мы судачили о славе,
Как о прибежище тоски:
За одиночество и горе
Она, посмертная, дана,
Как брызги варварского моря
Или прокисшего вина...

Не оттого ли у Траяна
(Где Папа в небо вознесен)
Звучит проклятием
"Осанна"
Для императорских колонн?
Но время тикает упрямо,
И гнилью веет от реки.
И даки в небо
С грузом срама
Восходят,
Папе вопреки...

В Иерусалиме за полночь, а я
Ночь коротаю в Санта-Маринелла...
Шуршит волна морская, как змея,
Которой все давно осточертело...

В Иерусалиме за полночь, а здесь
В ночной прохладе баров и тратторий
Балдеет публика и праздничную смесь
Позавчеравших шуток тараторит...

В Иерусалиме за полночь, пора
Зарыться в сон и не гадать без дела
По волнорезам Санта-Маринелла
О тайнах зла и таинствах добра...

В.М.

Оказалось очень просто
На семи холмах стоять
И (зависимо от роста)
В небе звезды собирать.
И не менее обычно
Оказалось на земле
Быть наместником их личным
У базилики во тьме.

Но не трудно от дурмана
Латерана отвыкать,
Если рядом зло и рьяно
За решеткой сосчитать
Тридцать три ступеньки срама,
Поражений и огня, —
Из разрушенного Храма
Привезенные рабами,
Обокравшими меня...

И для меня когда-нибудь придет
Безумный день молитвенного "Верую...",
Когда не Парка гибель допрядет,
А первый брави, встреченный в Транстевере...

Не опечалюсь и не прокляну...
Чего уж там, оракулы и шлюхи?
Я римский камень нежно обниму —
За все мечты мои и оплеухи...

Достаточно позорной беготни
Сулили мне предания и враки
За слепоту в заснеженные дни
И светлые прозрения во мраке...

Кому ни играть, ни рядиться
В чужие шелка не дано —
Тот с горькой лозой породнится
И превратится в вино.

Метафора?

Образ?

А может,

Последний глоток

(за гроши —

Винцо под дырявой рогожей

В окованной бочке)

Души...

Острее, чем сверкающий скальпель,

Случайной догадки просвет:

Мы цедим из солнечных капель

Похмелье раздавленных лет...

●
Да! раньше снились царские поместья
Под Петербургом, а потом — Версаль
И каменная кладка лжи и лести
Мечетей в Шхеме или же эмаль
Иерусалима.

Но за мною, впрочем,
Я верил, никогда не пропадет!
И покидал наутро или к ночи
Жену и дочь, и город, и народ...

Зато теперь все видится иначе:
Настигнутый судьбою пилигрим,
О Петербурге больше не заплачу,
Как не забуду мой Иерусалим,
Пока живу...

Но с вечностью хочу я
Играть не здесь на утренней заре,
А в Риме,
где под звездами ночуя,
Шедевры мокнул гордо
во дворе...

Неудивительно, что ночи
С годами кажутся короче

За то, что в старости живем
Не столько ночью, сколько днем...

Итальянка? Кроатка? Еврейка?
Корсиканская удаль — шажок.
Римской полночью снова налей-ка
Мне рубиновой влаги глоток.

Я, конечно, не граф Кавальканти,
Да и ты — не Лаура давно...
Но чем гуще веселое кьянти,
Тем опасней бывает оно.

Озорница, актерка, Одетта
Из беспутного рода наяд,
Награди шоколадной конфетой
И не надо иных мне наград.
И пускай у фонтанов Бернини
Вяжет тени, как сети, луна,
Отрави меня полночью синей,
Излечив от полдневного сна...

Но в городе вечном дано усмотреть
Сближенья случайных подобий:
И розовый сок сквозь зеленую медь
Соборов и римских надгробий,

И пьяную киноварь ягод среди
Застывших мозаик, и даже
Карминную кровь, от которой зудит
Безумная ткань Караваджо.

От этого хмеля и этой бузы
Уже не дано отвернуться,
И сам я готов под побегом лозы
Когда-нибудь гроздью проснуться...

А.О.

А я еще, клянусь тебе, увижу
Треклятый мост над Тевере в огне
И Паскуале, скрывшегося в нише
От римского презрения ко мне.
Когда б судьбе не вычудить такое,
Поверил бы, что мир неисправим
Без этих фресок, треснувших от зноя
И счастьем обернувшихся моим.

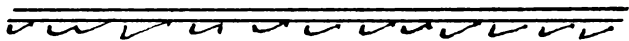
Недаром там, у домика (где ныне
Пока созвездья стынут в темноте),
Опять болтает что-то Форнарине
Пришелец из Урбино о холсте,
Который он придумал и напишет
(Забыв, что был младенчески ревнив)...
И я, как Паскуале, прячусь в нише,
Браманте из себя вообразив,
Поскольку знаю, глупой вертихвостке
Ни образы, ни краски не нужны...
Но в Риме все дворы и перекрестки
Торжественной просодией полны.

И клетоты фонтанов, и миазмы
По закоулкам в лепете страстей,
И Паскуале, подлый от сарказма,
И я среди непрошенных гостей,

А, может быть, свидетелей случайных
Оживших встреч и выдуманных лиц —
Все было в Риме таинством и тайной
Преображенья мира и границ
Земли и неба, сумерек и ночи...
Но я клянусь: из выси иль со дна
Еще не раз на виа делла Кроче
Приду с бутылью зрелого вина.

1989, Рим

Четвертая стража

Я пью вино в киббуце Хар-Амса
Среди холмов, задымленных и ржавых,
Где тени в рощах чертят талисман
От пакостей заморского Моава.
Казалось мне: в отеческом краю,
Свидетеле Гоморры и Содома,
Знакомые черты я узнаю
Давным-давно покинутого дома.

.....

Но, досмотрев собрание улик
В зазубренных каракулях пустыни,
Я по слогам читаю без гордыни
Самообманы времени и книг...

Это надо же так перепутать судьбу,
Пересдав до рассвета колоду
Тусклых дней и ночей...
И шальную беду,
И послушную воле свободу.

Это надо же так помечтать и не стать
Ни артистом, ни львом, ни пророком,
И свои пятьдесят равнодушно листать,
Обманув себя близким Востоком.

Это надо же так проиграться дерьму —
Козопасам пустых территорий...
Скоро солнце взойдет — и в заветную тьму
Унесет меня время, как море...

Наступит мой час, и помчусь налегке,
Как прежде крылатый и юный, конечно.
И только следы на вспотевшем песке
Укажут дорогу в мою бесконечность.

А ты не грусти без меня и не плачь:
Приходит-уходит и радость, и горе...
У каждого есть свой товарищ-палач,
Который бутылку души откупорит.

Все будет по-прежнему, но без меня...
И кто-то другой, одуревший от боли,
Поймет, что слезинки на доньшке дня
Становятся просто крупинками соли...

Наши жизни монетами
Сверкнут в темноте
И покатятся в Лету
По земной суете.
Беспощадной игрою
Каждый втянут в азарт,
Как в историю Трои —
С ученических парт.
Только Гектора нету
И фальшив полутон...
Наши жизни — монеты,
Без чекана сторон.

Какие песни пели боги,
Припоминая о земле,
Когда встречались на дороге
В кромешной мгле,
Кромешной мгле?

Какие песни боги пели
В тоске творительной своей,
Когда им травы шелестели
Среди камней,
Среди камней?

Какие людям песнопенья
Они придумали в раю?
Я даже в шуме наводнения
Не узнаю,
Не узнаю...

Но этой сладостною мукой
Припоминая их стихов
Творим по образу и звуку
Своих богов,
Своих богов.

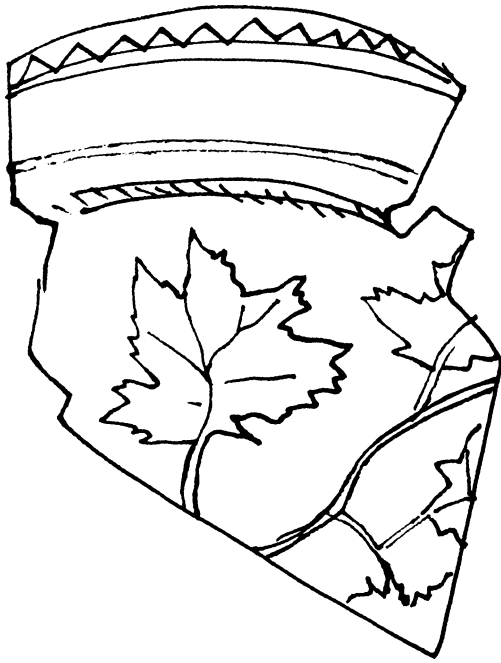
С холмов Хеврона льется тусклый свет
Четвертой стражи.

С тенями в обнимку
Досматриваю сны я, а рассвет
Уже снимает шапку-невидимку.
Куда ни глянь — песочные часы
С цифирью деревень и поселений
Отсчитывают жизнь мою, и тени
Посапывают жалобно, как псы.
Еще чуть-чуть, и желтый ободок
Луны

прозрачным станет, как стеклярус,
И солнце встанет, подводя итог
Четвертой стражи.

И наступит старость.

1989, Хеврон

На черепки расколотый кувшин —
Я справлюсь сам и с болью, и с любовью.
Так бьют на счастье, не для суесловья,
Бокал — в надежде будущих родин.

Доверчиво прислушавшись к тому,
Как под землею зреют мандрагоры,
Я позабуду ссоры и раздоры
В неопалимом времени Дому.

Тогда из-под корявых черепков
Душа моя, не ведая заботы,
Кивнет холмам в мгновение излета
И станет легкой тенью облаков...

Содержание

ЛОЗА

О, будь светла, ночная мгла... 6

Из цикла "Камни"

Городище Трувора... 9

И снова грезится... 10

А, может, мир устроен просто... 11

Я не знаю откуда... 12

Первопуток

Парк, глазающий из-под арки... 15

И ночь в глазах, и тлеющие звезды... 16

Вот так и ведется сегодня и встарь... 17

Блаженна память и бездонна... 18

Замело, завалило, заглохло... 19

В "купечьем граде" вой бурана... 20

Замерзла птаха под окном... 21

Лают собаки. Капель во дворе... 22

Я приснился себе молодым... 23

Хочешь, не хочешь — душа на замке... 24

Александрю Блоку

Не Богу... 27

Я стою посередине... 28

Проели, пропили... 29

То ли сердце источилось... 30

Пророки, судьи, палачи...	63
Я видел два Иерусалима...	64
Так где же дом?..	65
С горы Кармель пытаюсь облака...	66

Римский пасквиль

Кто я? Скажи мне, подруга моя...	69
Мне другом был Иосиф Флавий...	70
В Иерусалиме за полночь, а я...	71
Оказалось очень просто...	72
И для меня когда-нибудь придет...	73
Кому ни играть, ни рядиться...	74
Да! раньше снились царские поместья...	75
Не удивительно, что ночи...	76
Итальянка? Кроатка? Еврейка?..	77
Но в городе вечном дано усмотреть...	78
А я еще, клянусь тебе, увижу...	79

Четвертая стража

Среди могил в былой дубраве...	83
Я пью вино в киббуце Хар-Амса...	84
Это надо же так перепутать судьбу...	85
Наступит мой час и помчусь налегке...	86
Наши жизни монетами...	87
Какие песни пели боги...	88
Ты живешь, и хуже — не будет...	89
☪ холмов Хеврона льется тусклый свет...	90
На черепки расколотый кувшин...	92

Скрижали	
Мой светлый Бог...	33
В разлуке...	34
Вместе с осенним криком ворон...	35
Орфей?..	36
Пора, пора уйти мне в невозвратность...	37
Столб соляной...	38
И просыпаться вновь...	39
Чужие судьбы, вписанные в свитки...	40

Иаков (монологи)

Для судьбы не годится расхожий текстиль...	43
Иаков: "Ах, судьба нам дана..."	44
Не вступление, только подступ...	45
Лия: "Сестра моя..."	46
Рахиль: "Я не о том, сестра моя..."	47
И, плача, в свой шатер она...	48
Рахиль: "Когда могила станет храмом..."	49
Как ветры переменчивы...	50
Иаков: "Я поклонюсь..."	51
Когда про одичалость говоришь ты...	52
Рахиль: "Нет упрямее нашего сына..."	53
Жил в Харане Лаван...	54

БРАГА

О, враждовать с собою нелегко...	56

Сроки

Иудейский серп...	59
В долины мрака из никуда...	60
И вот в Иерусалиме... За три моря...	61
Геенна огненная! Тихий Бен-Хинном...	62

